

Къ исторіи славянскаго самосознанія и славянскихъ сочувствій въ русскомъ обществѣ.

(Изъ 40-хъ годовъ XIX столѣтія).

Появленіе ~~и~~ развитие интереса къ славянскому ~~миру~~, первые шаги и успѣхи въ изученіи его, однимъ словомъ пробужденіе славянскаго самосознанія и идеи славянской взаимности въ русскомъ обществѣ — естественнымъ образомъ тѣсно связано съ развитіемъ нашего русскаго національнаго самосознанія въ его главномъ и серьезнѣйшемъ проявленіи — научныхъ изученіяхъ *чародности* въ области исторіи, этнографіи, старой письменности и языковеденія, — изученіяхъ, столь широко у насъ расцвѣтшихъ уже въ половинѣ прошлаго вѣка, серьезно поставленныхъ уже въ 30-хъ и 40-хъ годахъ.

Развитію этихъ славянскихъ интересовъ въ значительной степени способствовали также съ одной стороны относящееся къ началу вѣка (а отчасти даже къ концу XVIII в.) движеніе въ западно и южно-славянскомъ мірѣ, — движеніе національнаго и политическаго возрожденія съ стремленіями къ освобожденію и объединенію, съ чѣмъ не могла не считаться и наша внѣшняя политика, — съ другой — возникновеніе такого національнаго и самобытнаго направленія русской философской, богословской и научно-исторической мысли, каковымъ было славянофильство въ его теоретическихъ и національно-политическихъ положеніяхъ.

Эта исторія роста славянской идеи и славянскихъ интересовъ въ Россіи очень любопытна и поучительна, и надо надѣяться, что она когда-нибудь будетъ написана. Тогда будутъ выяснены и всѣ причины той удивительной медлен-

ности, робости и тѣхъ постоянныхъ колебаній, съ которыми славянское самосознаніе пробуждалось въ массѣ русскаго общества и заявляло о своихъ правахъ и стремленіяхъ, — выяснится, почему въ теченіе такого значительнаго періода, приблизительно трехъ четвертей вѣка, оно подвинулось такъ мало впередъ въ своемъ ростѣ.

У насъ кое-что уже сдѣлано по исторіи собственно научнаго изученія славянства, по исторіи русскаго славяновѣдѣнія и имѣется рядъ очерковъ и монографій по этому предмету¹⁾, но это не есть исторія славянской идеи въ русскомъ обществѣ, въ движеніи русской мысли и образованности, хотя научная славистика и ея представители — съ самаго учрежденія славянской кафедры въ университетахъ (1835 г.) и стояли всегда въ центрѣ того скромнаго и непостояннаго общественнаго интереса къ славянскому вопросу, который существовалъ у насъ въ минувшія семьдесятъ лѣтъ.

Между тѣмъ, матеріала для такой исторіи накопилось немало въ нашей литературѣ и журналистикѣ, въ современныхъ запискахъ, воспоминаніяхъ, литературной перепискѣ русскихъ дѣятелей и писателей. Онъ еще умножится современемъ, и задача историка будетъ состоять въ его извлеченіи, критикѣ и группировкѣ и въ созданіи изъ него цѣльной, правдивой и несомнѣнно поучительной картины.

¹⁾ Напр. А. Кочубинскаго, А. Когляревскаго, П. Лавровскаго, А. Н. Пыпина, Францева и др.

Начальная эпоха этой истории наших славянских увлечений 30-х и 40-х годов, когда учреждена была славянская кафедра въ университетахъ и начались научныя паломничества русскихъ славистовъ въ славянскія земли, обращала на себя уже не разъ вниманіе изслѣдователей нашей литературной и ученой старины. Но многое въ ней еще заслуживаетъ вниманія и оцѣнки.

Съ началомъ у насъ специальныхъ славянскихъ изученій естественно связаны имена тѣхъ дѣятелей, которые такъ или иначе содѣйствовали этому дѣлу, участвовали въ его постановкѣ, привлекали къ нему молодыя научныя силы и направляли ихъ. Въ этомъ отношеніи воздано должное и просвѣщеннымъ сановникамъ нашимъ, каковы канцлеръ гр. Румянцевъ, а потомъ министръ нар. просв. С. С. Уваровъ, и такимъ ученымъ, какъ Востоковъ, Калайдовичъ, Кеппенъ, Каченовскій, Венелинъ, наконецъ Погодинъ и др. Но съ начальной судьбой славянской кафедры въ Петербургѣ связано еще имя того лица, которое стояло тогда — въ эпоху ея фактическаго возникновенія (въ нач. 40-хъ г.г.)—во главѣ университета и на долю котораго пришлось оказывать содѣйствіе и покровительство первымъ ея представителямъ (Прейсу и Срезневскому).

Это былъ П. А. Плетневъ, который и какъ ректоръ и профессоръ и одинъ изъ благороднѣйшихъ дѣятелей нашей литературы и журналистики завоевалъ себѣ почтенное имя въ исторіи нашей образованности вообще. Въ виду его значенія и роли въ университетской жизни интересно знать, какъ онъ и его ближайшій кружокъ друзей и единомышленниковъ относился къ славянскимъ изученіямъ и славянству вообще.

I.

П. А. Плетневъ, высокія заслуги котораго въ исторіи нашего литературнаго развитія, въ подготовкѣ и заботливомъ, сердечномъ руководствѣ многихъ поколѣній русскихъ литературныхъ и ученыхъ тружениковъ еще далеко не оцѣнены въ полной мѣрѣ, самъ по себѣ никогда не занимался славянствомъ, не увлекался идеей «славянскаго

братства» и былъ далекъ отъ славянофильства... Ни полученное имъ образованіе, ни родъ занятій и интересовъ которымъ онъ себя посвятилъ смолоду, ни тотъ литературный кругъ и тѣ высшія сферы, въ которыхъ онъ вращался не приближали его къ этой области. Она была для него почти совсѣмъ terra incognita, такъ какъ въ его время въ педагогическомъ институтѣ (гдѣ онъ учился въ 1811—14 гг.), конечно, объ этомъ предметѣ еще не было и помину, и она оставалась для него болѣе или менѣе таковою и впоследствии такъ какъ онъ не имѣлъ ни случая, ни времени восполнить этотъ пробѣлъ, а интересы его дѣятельности влекли его въ инныя стороны. Къ тому же литературныя преданія, приверженность къ карамзинской школѣ и особенно близость и духовная связь съ Жуковскимъ съ его литературными интересами и мѣромъ западно-европейскимъ, которымъ увлекался поэтъ, давали и умственной жизни и мировоззрѣнію Плетнева скорѣе въ нѣкоторой мѣрѣ западническое направленіе. А это направленіе не могло не отражаться подчасъ на его отношеніи къ разнымъ явленіямъ русской жизни, къ оригинальнымъ проявленіямъ русскаго духа и русской мысли.

Но какъ человекъ умный и чуткій, не узкій и не сухой теоретикъ, какъ человекъ широкаго кругозора, горячей души и необыкновенно отзывчивый, притомъ русскій отъ головы до пятокъ всецѣло преданный благу и интересамъ своего отечества, П. А. Плетневъ не могъ не отзываться сочувственно на замѣтныя уже въ эпоху 20-хъ и 30-хъ гг. проявленія у насъ въ обществѣ и въ наукѣ національнаго русско-славянскаго самосознанія, не могъ не признать значенія и важности интереса къ славянскому міру, и самъ въ своей сферѣ, въ предѣлахъ своей роли и вліянія, готовъ былъ служить удовлетворенію и поощренію этихъ зарождавшихся новыхъ увлеченій и интересовъ.

Не говоря уже объ его участливомъ отношеніи къ молодымъ ученымъ, посвящавшимъ себя научному славяновѣдѣнію, этой новой отрасли историко-филологическаго знанія, онъ привлекалъ вниманіе къ этой области и другихъ начинающихъ работниковъ на полѣ рус-

ской литературы и науки, которые обстоятельствами были отдалены от нея, и отъ которыхъ онъ ждалъ многого въ научномъ отношеніи.

Подтвержденій всего здѣсь сказаннаго можно найти достаточно въ недавно изданной перепискѣ П. А. Плетнева съ его молодымъ еще тогда другомъ Я. К. Гротомъ, съ 1841 г. (до 1853) профессоромъ русскаго языка, литературы и исторіи въ Александровскомъ (финляндскомъ) университетѣ.

Видя въ Гротѣ чрезвычайную научную пытливость и исключительныя филологическія способности, стремленіе къ наибольшему расширенію своего кругозора и къ изученію языковъ, онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы поддержать его интересъ и къ области славистики, ему самому чуждой, и поощрялъ его въ его усиліяхъ овладѣть славянскими нарѣчіями. Будущій филологъ - академикъ несомнѣнно немало обязанъ Плетневу въ направленіи своего научнаго самообразованія.

Въ свою очередь, и Я. К. Гротъ много способствовалъ расширенію понятій и умственнаго горизонта своего друга, съ успѣхомъ боролся съ нѣкоторыми его застарѣлыми пристрастіями, предубѣжденіями и съ нѣкоторою его прямолинейностью. Къ такимъ предубѣжденіямъ Плетнева въ старое время, внушеннымъ, очевидно, еще спорами о русскомъ литературномъ языкѣ славянства Шишкова съ молодой школой Карамзина, принадлежало также его первоначальное предубѣжденіе противъ занятій «славянщиной», отъ котораго онъ въ послѣдствіи вполне излѣчился, не переставъ однако-жъ относиться отрицательно и въ этомъ симпатичномъ ему славянолюбіи, какъ и въ московскомъ славянофильствѣ, къ излишней исключительности и крайностямъ направленія, ко всему въ нихъ показному и мелочному.

Любопытно по этому поводу отмѣтить слѣдующій эпизодъ.

Въ письмѣ П. А. къ Гроту 2-го окт. 1846 года мы читаемъ: «Отыщи въ № 1 и 2 «Отечественныхъ Записокъ» 1840 года всю статью Юанна Коллара «О литературной взаимности между племенами и нарѣчіями славянскими». Это—превосходное сочиненіе, переведенное и доставленное въ «Отече-

ственные Записки» Погодинымъ. Провидѣніе, видимо, навело на нее меня. Я и не подумалъ бы искать, да А. О. (Ишимова) вдругъ прислала мнѣ эти №№, спрашивая, не мои ли они. Машинально развернулъ я одну изъ этихъ книжекъ—и наткнулся на статью, столь сильную для пораженія нынѣшнихъ «Отечественныхъ Записокъ». На это его другъ отвѣчалъ ему (8-го окт.): «Я радъ, что ты переимѣнилъ мнѣніе о статьѣ Коллара «О литературной взаимности». Когда я въ 1840 году хвалилъ ее, ты, смѣясь надо мной, сказалъ: «Для меня уже не можетъ быть ничего хорошаго, когда рѣчь идетъ о славянщинѣ». И долго ты держался этого мнѣнія». Плетневъ послѣдиль возразить (16-го окт.): «Статьи Коллара и не видывалъ я до нынѣшняго страннаго случая, о которомъ и писалъ къ тебѣ, какъ объ указаніи выше. Тоже не помню, по какому случаю ты въ 1840 г. наводилъ меня на нее. Впрочемъ, я до сихъ поръ не люблю славящины въ устахъ людей, мелко мыслящихъ. Но Колларъ говоритъ краснорѣчиво и учено, и умно, какъ Гизо». Отголоскомъ этого объясненія являются слѣдующія строки въ отвѣтномъ письмѣ Грота (22-го окт.): «О славянщинѣ: въ «Московскомъ Сборникѣ» прочелъ я вчера вечеромъ съ большимъ интересомъ біографію Вука Стефановича Караджича и кое-что изъ Краледворской рукописи. И въ этомъ мірѣ много чрезвычайно занимательнаго!»

Самъ П. А. Плетневъ съ интересомъ и симпатіей относился къ славянству въ его прошломъ и современности, когда ему доводилось узнавать что-нибудь изъ этой области отъ людей свѣдущихъ. Насколько эти извѣстія занимали его, видно изъ того, что онъ свѣспилъ дѣлиться ими и съ другомъ своимъ. Такъ, въ 1844 г. осенью П. А. на одномъ обѣдѣ (у Величко) встрѣтился съ адъютантомъ гр. Литке А. В. Фрейгангомъ (впослѣдствіи адмираломъ, писателемъ - славянофиломъ). Объ этой встрѣчѣ онъ рассказывалъ Гроту (въ письмѣ отъ 8-го сент.): «Ф. мнѣ много рассказывалъ какъ о нынѣшнемъ плаваніи генераль-адмирала (В. К. Константина Николаевича), такъ и о своемъ прежнемъ путешествіи по славянскимъ

землямъ. Вообрази, центральное мѣсто, гдѣ славяне стремятся слиться съ русскими литературно и религиозно, есть Иллирія. Они даже изъ указной своей латинской азбуки образовали нашихъ 35 буквъ, чтобы мочь выражать всѣ наши звуки. Одинъ молодой 30 лѣтъ человекъ Гай *), одушевленный патріотизмомъ, такъ и возжигалъ всѣ умы къ дѣятельности, не мятежнической, но законной, сближающей славянъ во-едино... Мы уже упоминали о сочувствіи Плетнева лингвистическимъ изученіямъ своего друга, между прочимъ, и въ области славянской. Я. К. Гротъ пользовался всякимъ случаемъ для усвоенія себѣ новаго языка. Въ 1843 г., при помощи своего товарища по кафедрѣ, адъюнкта С. И. Барановскаго (малоросса), онъ овладѣлъ польскимъ языкомъ. Съ тѣхъ поръ онъ мечталъ расширить свои свѣдѣнія и дальѣе, по славянской части. Позже, въ 1848 г., онъ особенно налегъ на церковно-славянскій языкъ. А старо-славянскій языкъ завелъ его и дальше, въ славянщину. Сообщая объ этомъ Плетневу, онъ писалъ: «Въ то же время обратилъ я вниманіе на языкъ чешскій, и вообще намѣренъ хоть нѣсколько освоиться съ славянскими нарѣчіями». Плетневъ неизмѣнно сочувственно откликался на такія сообщенія. По поводу занятій съ Барановскимъ и пособій, имѣвшихся у Грота, онъ писалъ ему: «Шимкевича лексиконъ почти ни на что не годится. Тутъ и сотой доли не сыщешь разрѣшенія сомнѣній. Теперь, когда ты выучился по-польски, можешь выписать изъ-за границы лексиконъ Линде... Это сокровище для славянской филологіи». (12-го мая 1843). На это Гротъ возражая, что онъ еще не одолѣлъ польскаго языка, проситъ сообщить ему подробное заглавіе лексикона Линде, что другъ его и исполняетъ. Въ 1848 г. по поводу новыхъ плановъ Я. К., Плетневъ не замедлилъ тоже отозваться очень характерно: «Превосходная мысль овладѣла тобой—изучить въ совершенствѣ церковно-славянскій языкъ. Это

ключъ къ языкамъ всего славянскаго міра, который скоро возстанетъ изъ своей отстраненности» (21-го авг. 1848).

II.

По новому университетскому уставу, утвержденному въ 1835 г., была учреждена, какъ извѣстно, въ числѣ другихъ новыхъ кафедръ — кафедра славянской филологіи, или (какъ она названа въ уставѣ) «Исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій». Потребность въ ней чувствовалась давно, о чемъ ярко свидѣтельствовала ревностная дѣятельность на поприщѣ сравнительныхъ изслѣдованій вопросовъ русско-славянской древности и археологіи нѣкоторыхъ выдающихся русскихъ ученыхъ дѣятелей стараго поколѣнія. Но молодыхъ специалистовъ по этой части не было для занятія новой кафедрой, и надо было ихъ приготовить. Университеты должны были выбрать такихъ молодыхъ людей и дать имъ средства къ подготовкѣ себя, между прочимъ ученымъ путешествіемъ по славянскимъ землямъ. С.-Петербургскій университетъ остановилъ свой выборъ на молодомъ подававшемъ большія надежды филологѣ, бывшемъ своимъ слушателѣ, П. И. Прейсѣ, который въ то время (въ 1828—1838) учительствовалъ въ Дерптѣ. Онъ принялъ предложеніе, но подъ условіемъ передъ путешествіемъ годъ поработать въ Петербургѣ—подъ руководствомъ знаменитаго Востокова, такъ что онъ пустился въ свое ученое путешествіе по славянскимъ землямъ лишь осенью 1839 г. то-есть не задолго передъ тѣмъ, какъ с.-петербургскій университетъ избралъ своимъ ректоромъ П. А. Плетнева, занимавшаго затѣмъ эту должность—сперва по избранію, а затѣмъ по назначенію (съ 1849 г.)—свыше 20 лѣтъ Прейсъ пробылъ за границей болѣе 3 лѣтъ и вернулся зимой 1842 г. Въ 1843 г. онъ началъ свою профессорскую дѣятельность—столь плодотворную и, къ сожалѣнію, столь краткую. Тяжелая болѣзнь подтачивала давно его организмъ, онъ умеръ уже весной 1846 г. Такимъ образомъ, вся кратковременная ученая дѣятельность этого труженика протекла на глазахъ Плетнева, подъ его ближайшимъ наблюденіемъ и—безъ сомнѣнія

*) Людевитъ Гай, извѣстный политическій и литературный дѣятель хорватовъ въ эпоху національнаго возрожденія, стоявшій во главѣ такъ назыв. «иллирскаго движенія», или «иллиризма» (ум. 1872).

—покровительствомъ. Самый предметъ занятій Прейса и особенно его отношеніе, столь глубоко поучительное, къ Востокову—были симпатичны Плетневу. Онъ былъ самъ горячимъ почитателемъ этого замѣчательнаго русскаго филолога. Когда въ 1842 г. вышелъ монументальный его трудъ «Описаніе русскихъ и славянскихъ рукописей Румянцевскаго музеума», онъ не замедлилъ сообщить Гроту эту добрую вѣсть, съ самымъ восторженнымъ о немъ отзывомъ. Понятно, что онъ считалъ своимъ долгомъ всячески поддерживать и ученика Востокова—Прейса, который, по всему видно, пользовался его благоволеніемъ. Къ сожальнѣю переписки Плетнева не заключаетъ въ себѣ указаній на ихъ близкія отношенія, по имя Прейса—по поводу его вступленія на университетское поприще—не разъ встрѣчается на ея страницахъ. Такъ П. А. сообщаетъ Гроту 18-го ноября 1842 г.: «... Подали пакетъ съ донесеніемъ отъ Прейса, приготавлиющагося за границей для занятія у насъ кафедръ славянскихъ нарѣчій. Тутъ же его рапортъ и къ г. Министру, что я отправилъ по принадлежности»; 2-го декабря того же года онъ писалъ: «...Министръ (Уваровъ) еще толковалъ со мною о возвратившемся Прейсѣ (по кафедрѣ славянскихъ нарѣчій) и пригласилъ меня на-дняхъ для дальнѣйшихъ толковъ... (*Воскресенье*). По назначенію моему явился ко мнѣ Прейсъ, которому я заказалъ программы его курса для предствленія Министру»... Переговоры съ Министромъ касались безъ сомнѣнія затрудненій относительно служебнаго положенія и правъ Прейса, не имѣвшаго кандидатской степени,—затрудненій, которыя были позже благополучно улажены предоставленіемъ ему права подвергнуться испытанію прямо на степень магистра, состоявшемся, конечно, не безъ содѣйствія и участія Плетнева. Прейсъ былъ скромный и даже робокъ, особенно при первыхъ шагахъ своихъ на кафедрѣ, и Плетневъ несомнѣнно дѣйствовалъ на него ободрительно. Намекъ на это находимъ въ его сообщеніи о первой лекціи Прейса. Въ письмѣ къ Гроту (20-го марта 1843 года) читаемъ: «Побывъ на экзаменѣ гувернантокъ и въ правленіи, я по-

шелъ по аудиторіямъ въ ожиданіи Министра, который сегодня къ намъ будетъ для первой лекціи Прейса, наконецъ выздоровѣвшаго. Стеклось пропасть народу къ этому трусу: Министръ, его товарищъ, попечитель, ректоръ, многіе изъ профессоровъ и почти всѣ студенты. Онъ прочиталъ по тетради очень умное, дѣльное и ясное введеніе»...—Плетневъ привлекъ Прейса и къ участію—по библиографіи—въ своемъ «Современникѣ», хотя это отвлеченіе отъ спеціально ученыхъ работъ едва ли было по вкусу нашему слависту. Въ письмѣ 6-го ноября 1843 г. П. А. пишетъ: «Получилъ изъ Москвы отъ профессора Бодянскаго переводъ Шафарика о славянахъ съ картою (извѣстная «Славянская Народпись»). Тебѣ это, кажется, надо вытребовать для вашей библіотеки. Книгу я послалъ на разборъ къ Прейсу, нашему славянину-нѣмцу». Дѣйствительно, послѣдній далъ рецензію, но очень маленькую, что повидимому не удовлетворило Плетнева, у котораго, какъ извѣстно, былъ своеобразный взглядъ на ученую дѣятельность, когда она замыкалась въ сухую и узкую спеціальность. Эта ученая замкнутость не нравилась ему и въ Прейсѣ*), хотя онъ вообще цѣнилъ его рвеніе и дарованія.

11-го мая 1846 г. неумолимая смерть скосила Прейса, эту крупную надежду славянской науки. Плетневъ проводилъ его на мѣсто вѣчнаго упокоенія. Премникомъ Прейса на славянской кафедрѣ въ петербургскомъ университетѣ сталъ будущій славный ученый славистъ-академикъ И. И. Срезневскій, товарищъ и спутникъ Прейса по заграничной командировкѣ, избранникъ харьковскаго университета, въ которомъ и началъ свое профессорское поприще. Несомнѣнно и ему оказалъ Плетневъ, особенно на первыхъ порахъ, не мало участливаго содѣйствія и не одну услугу,—не

*) «Прейсъ, по системѣ всѣхъ молодыхъ профессоровъ, вояетъ только въ книжкахъ для домашняго обихода, не умѣя или не находя времени для приготвленія чего-либо блгстательнаго или по крайней мѣрѣ замѣчательнаго для публики. Разъ я поручилъ ему написать статью о переводѣ Шафариковой книги Бодянскимъ,—ты конечно, поминишь въ «Современникѣ»—что за маленькая статья вышла». Переписка, II, стр. 333.

только какъ ректоръ, но и какъ старшій товарищъ и опытный руководитель. И въ послѣдствіи между ними сохранились наилучшія отношенія и по университету и по академіи наукъ, хотя Плетневъ и не совсѣмъ съ нимъ сходился. Когда уже въ 1852 г. Я. К. Гротъ писалъ Плетневу: «пріятно было мнѣ также узнать разныя подробности о трудахъ Срезневскаго, въ которомъ я вижу не сухого ученаго, но ученаго литератора съ многообразными свѣдѣніями и направленіями. Судя по разнымъ даннымъ, онъ въ большой дружбѣ съ Давыдовымъ, но особенно благоговѣетъ къ Востокову», П. А. отвѣтилъ: «Срезневскій точно не безъ познаний, которыя тѣмъ выгоднѣе, что сливаются съ его обычаемъ говорить и читать по-нѣмецки и по-французски. Какъ молодой человѣкъ, онъ очень дѣятеленъ, предприимчивъ, хотя болѣе самонадѣянъ, нежели успѣшенъ»... (Тутъ, очевидно, Плетневъ ошибался). Черезъ Плетнева познакомился лично съ Срезневскимъ и будущій его товарищъ по академіи—Гротъ.

Плетневу довелось принять участіе въ направленіи на путь славянскихъ изученій еще одного молодого ученаго и литературнаго труженика, чему, впрочемъ, въ концѣ концовъ непредвидѣнно помѣшала судьба и изъ этого плана ничего не вышло. Мы говоримъ о П. А. Кулѣшѣ. Сближеніе Кулѣша съ Плетневымъ и его семьей и дѣятельное сотрудничество его въ «Современникѣ» относятся къ тѣмъ же 40-мъ годамъ. Рядомъ съ своими литературными работами Кулѣшъ сталъ увлекаться изученіемъ славянскаго міра, особенно польской литературы (что отразилось и на «Современникѣ») и когда въ академіи наукъ возникла мысль о подготовленіи лица для этой специальности,—кандидатомъ былъ выдвинутъ Кулѣшъ, главнымъ образомъ по рекомендаціи Плетнева, который для этой цѣли составилъ о немъ записку.

Въ письмѣ отъ 22-го мая 1846 г. Плетневъ писалъ Гроту въ Гельсингфорсъ: «...Я составилъ для Шихматова (товарища министра) записку о Кулѣшѣ, которую и отослалъ къ нему съ письмомъ». Подъ 27-е іюля того же года читаемъ въ той-же перепискѣ Плетнева съ Гротомъ:

«Кулѣшъ осенью, вѣроятно, отправленъ будетъ въ отдѣленіемъ академіи наукъ за границу въ славянскія земли, чтобы послѣ поступить по славянскимъ нарѣчіямъ адъюнктомъ въ отдѣленіе русскаго языка и словесности. Бередниковъ и я рекомендовали его князю Шихматову, который искалъ такого человѣка, въ исполненіе одного параграфа положенія объ отдѣленіи, особенно по смерти Прейса, бывшаго въ виду у Шихматова на это мѣсто. Прежде я думалъ, что Кулѣшъ можетъ снятъ съ меня «Современникъ». Теперь, до истеченія трехъ лѣтъ и думать о немъ нельзя». Итакъ изъ этого письма мы узнаемъ еще, что Плетневъ прочилъ одно время Кулѣша—въ редакторы «Современника» послѣ себя. Для него самого этотъ трудъ становился слишкомъ обременительнымъ при множествѣ и разнообразіи его обязанностей и занятій. Кандидатура Кулѣша была дѣйствительно принята, и командировка въ славянскія земли тогда же была ему дана академіей, такъ что въ концѣ года онъ собиравшся выѣхать.

Но Кулѣшъ поѣхалъ не прямо за границу, а сперва къ себѣ въ Малороссію, гдѣ въ нач. 1847 г. успѣлъ жениться—на Александрѣ Михайловнѣ Бѣлозерской, сестрѣ редактора журнала: «Основа», талантливой малорусской беллетристки. Въ январѣ 1847 Плетневъ писалъ Гроту: «Изъ Малороссіи Кулѣшъ писалъ мнѣ два раза: въ первомъ письмѣ объявилъ, что онъ помолвленъ, а во второмъ, что послѣ крещенія будетъ и свадьба его. Пока я думалъ, что Кулѣшъ уѣдетъ за границу женихомъ, то боялся за его успѣхи въ славянскихъ языкахъ. Теперь полагаю, что онъ свои дѣла исполнитъ, потому что не нужно будетъ тратить время на страстную переписку». А въ письмѣ П. А. отъ 12-го февраля читаемъ: «Кулѣшъ описываетъ свою свадьбу. Шевченко (малороссійскій поэтъ и живописецъ) былъ у него шаферомъ. Я послалъ Кулѣшу книгу Гоголя (т.-е. «Переписку съ друзьями»), отъ которой онъ, жена его и ея мать въ восхищеніи». Однакожъ, какъ извѣстно,

*) См. словарь русск. писателей кн. Голыцина (1884), стр. 144 и дополненія къ нему Н. Пономарева «Наши писатели», стр. 40.

Кулѣшу не суждено было попасть въ славянскія земли и выполнить назначенное ему порученіе. На пути за границу онъ былъ арестованъ по участію въ извѣстной исторіи украинскаго тайнаго общества, долженъ былъ остаться въ Россіи и принять мѣсто въ провинціи. Такимъ образомъ, судьба его рѣзко измѣнилась: онъ поселился въ Тулѣ, гдѣ занялъ скромную должность и состоялъ подъ наблюденіемъ. Это искренно огорчило его покровителя П. А. Плетнева, который и послѣ того не переставалъ съ нимъ переписываться и поддерживать его въ литературныхъ занятіяхъ. Въ январѣ 1848 г. онъ писалъ о томъ Гроту: «Мой пріятель изъ Тулы вчера прислалъ мнѣ письмо, которымъ увѣдомляетъ, что, не бывъ въ состояніи исправлять новой должности (смотрителя больницы), возложенной на него военнымъ тамошнимъ губернаторомъ Крузенштерномъ, онъ подалъ ему прошеніе о чистой отставкѣ, въ намѣреніи жить хоть бѣдно, но независимо. Мнѣ это не понравилось, тѣмъ болѣе, что едва ли выпустятъ его изъ службы, а думать будутъ о немъ хуже. Такова логика юной Россіи». Черезъ два года въ письмѣ 7-го октября 1850 г. находимъ еще сообщеніе о пребываніи Кулѣша въ Тулѣ: «Кулѣшъ ко мнѣ пишетъ, что тульскій губернаторъ поручалъ ему срисовать памятникъ на Куликовомъ полѣ, и что его рисунокъ былъ представленъ Государю и Великимъ Князьямъ въ ихъ проѣздъ черезъ Тулу; всѣ остались довольны, но его судьба не улучшена. Онъ познакомился съ какимъ-то помѣщикомъ, который военное поприще промѣнялъ на занятіе живописца. И Кулѣшъ теперь преимущественно преданъ живописи, въ которой успѣваетъ». Въ мартѣ 1851 г. Плетневъ извѣщаетъ Грота: «Кулѣшъ съ женою пріѣхалъ сюда искать службы. Ему разрѣшено служить во всѣхъ министерствахъ, кромѣ нашего: Онъ ищетъ теперь должности у Киселева». Такимъ образомъ, возвратиться къ прежнимъ планамъ, къ ученой карьерѣ по славянской части Кулѣшъ уже не имѣлъ возможности.

Кромѣ названныхъ уже дѣятелей славянской науки, Плетневъ зналъ и многихъ другихъ, какъ русскихъ славистовъ, такъ и западно-славянскихъ уче-

ныхъ и сообщалъ о нихъ свѣдѣнія и отзѣвы въ своей дружеской перепискѣ. Здѣсь встрѣчаемъ имена Касторскаго (по поводу его славянской міеологіи), литовца С. П. Микуцкаго, Дубровскаго, Бодянскаго, Линде, Копитара, Шафарика, Караджича, Коллара, Ганки, Палаузова и др. Съ нѣкоторыми изъ послѣднихъ, какъ напр. съ Ганкой Плетневъ былъ и въ личныхъ сношеніяхъ. О нѣкоторыхъ онъ высказывался въ своихъ академическихъ отчетахъ. Въ 1843 г. онъ посылаетъ Ганкѣ черезъ одного чеха сочиненіе А. О. Ишимовой, а въ 1844 году, какъ узнаемъ изъ той же переписки, Ганка пересылаетъ ему съ А. Н. Майковымъ въ подарокъ Ишимовой свой миниатюрный альманахъ.

III.

Славянскія сочувствія Плетнева не ограничивались одними дружескими сближеніями, теоретическими размышленіями и добрыми пожеланіями. Онъ не только оказывалъ дѣятельное содѣйствіе молодымъ русскимъ славистамъ, но и радушно принималъ пріѣзжавшихъ въ Россію славянъ, готовъ былъ всегда помочь достойнымъ изъ нихъ и охотно откликался на обращаемыя къ нему просьбы о содѣйствіи и покровительствѣ, шла ли рѣчь о частной нуждѣ или объ общемъ какомъ-либо интересѣ славянства. Такія сношенія знакомили его ближе съ этимъ міромъ. Въ Москвѣ—были для славянъ такія пріѣзжища и покровители, какъ Бодянскій и Погодинъ. Въ Петербургѣ пріѣзжіе славяне часто были направляемы къ Плетневу.

Отголоски такихъ сношеній послѣдняго съ посѣщавшими Россію славянами и сочувственнаго къ нимъ отношенія какъ Плетнева, такъ и Грота, находимъ и въ перепискѣ ихъ. Въ 1842 году Петербургъ посѣтилъ почтенный чешскій патріотъ, адвокатъ при русской миссии въ Вѣнѣ—Янъ Дворжачекъ*), посланный въ Россію для заключенія почтоваго трактата между Австріей и Россіей. Онъ былъ знатокъ славянства, приверженецъ идеи славянской взаимности, и позже въ 1848 г. участвовалъ въ движеніи славянъ. Мы не знаемъ, по чьей рекомендаціи онъ попалъ къ

*) Умеръ въ 1865 году.

Плетневу, но онъ былъ радушно принять въ его домѣ и здѣсь познакомились съ нимъ и Я. К. Гротъ, прїѣзжавшій въ Петербургъ на Рождество 1842 года, и А. О. Ишимова. Уѣзжая обратно въ Финляндію, Гротъ еще съ дороги писалъ П. А.: «...Я вспомнилъ, что не спросилъ адреса Дворжачка, славянина нашего. Если опять увидишься съ нимъ, спроси его, какъ адресовать къ нему письма; можетъ быть случится надобность писать ему. Не знаю, будетъ ли въ Петербургѣ продаваться карта Шафарига; ее необходимо пріобрѣсти для нашей библіотеки». Впослѣдствіи Дворжачекъ былъ опять въ Петербургѣ въ 1853 г., и опять о немъ упоминается въ перепискѣ друзей.

Съ замѣчательной отзывчивостью и добротой относился Плетневъ и къ многочисленнымъ южнымъ славянамъ, сербамъ и болгарамъ, которые прїѣзжали въ Россію для удовлетворенія то культурныхъ нуждъ своего многострадальнаго отечества, то личной жажды образованія. Для многихъ изъ нихъ онъ былъ истиннымъ отцомъ и благодѣтелемъ. На это есть у насъ прямиыя свидѣтельства какъ въ той же перепискѣ съ Гротомъ, такъ и въ нѣкоторыхъ сохранившихся письмахъ къ нему. Нельзя не воспользоваться здѣсь нѣсколькими изъ этихъ любопытныхъ свидѣтельствъ.

Въ октябрѣ 1846 г. Плетневъ, сообщая Гроту въ своемъ дневникѣ о посѣтившихъ его гостяхъ, замѣчаетъ между прочимъ: «Было довольно живо. Еще явились болгаръ и сербъ»... Славяне были не разъ домашними гостями семейнаго кружка Плетнева, и тутъ не было ничего особеннаго, но по нѣкоторымъ соображеніямъ обстоятельствъ и времени мы догадываемся, кто были эти славянскіе гости. Первымъ, т. е. болгаромъ, былъ, вѣроятно, болгарскій дѣятель З. Княжескій, упоминаемый и въ другомъ мѣстѣ, а вторымъ былъ, какъ мы покажемъ ниже, славный сербскій поэтъ Сима Милутиновичъ, прїѣхавшій какъ разъ тогда изъ Москвы съ рекомендаціей Бодянскаго.

О Княжескомъ Плетневъ рассказывалъ своему другу въ другой разъ. Именно лѣтомъ того же 1846 года, сообщая о визитѣ къ нему А. Н. Попова, онъ прибавлялъ: «Съ нимъ прїѣхалъ

еще одинъ болгаринъ, Княжескій по фамиліи, который учился въ одесской семинаріи и живетъ теперь въ Петербургѣ, чтобы собрать все, что необходимо для устройства школъ въ Болгаріи. Синодъ ему даетъ всѣ церковныя книги, даже для церкви сосуды и ризы. Александра Осиповна (Ишимова) подарила ему полный экземпляръ «Звѣздочки» и прочихъ сочиненій своихъ, а я — «Современникъ». — Захарій Княжескій былъ однимъ изъ жившихъ въ Россіи болгарскихъ патріотовъ, ревностно дѣйствовавшихъ на пользу несчастной своей родины. Онъ много помогалъ также своимъ бѣднымъ соотечественникамъ въ пристройствѣ ихъ въ русскія учебныя заведенія, въ пріисканіи имъ занятій и проч. *). Плетневъ былъ повидимому знакомъ съ нимъ уже нѣсколько лѣтъ и уже ранѣе оказывалъ ему покровительство. Несомнѣнно, онъ содѣйствовалъ ему и въ его миссіи 1846 года. Кромѣ того, какъ ректоръ университета и лицо сильное въ учебномъ мѣрѣ, онъ являлся самымъ надежнымъ покровителемъ при ходатайствахъ объ опредѣленіи бѣдной южнославянской молодежи въ русскія школы и университетъ. Въ этомъ онъ оказалъ не одну услугу и Княжескому. Сохранилось нѣсколько писемъ послѣдняго къ Плетневу отъ слѣдующаго 1847 года, въ которыхъ онъ проситъ и хлопочетъ о помѣщеніи въ петербургскій университетъ одного моло-

*) Захарій Княжескій, — по свидѣтельству проф. М. С. Дринова, которому мы обязаны этими свидѣніями, — былъ однимъ изъ первыхъ болгаръ, прїѣзжавшихъ въ Россію для пополненія своего скуднаго образованія, какое въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія давали болгарскія школы. Онъ былъ родомъ изъ восточной Болгаріи (Эски Загры?). Онъ издалъ въ 1844 г. вмѣстѣ съ нѣкомъ Нафананломъ, обучавшимся въ московск. дух. академіи (будущимъ митрополитомъ и виднымъ болгарскимъ духовнымъ дѣятелемъ, нынѣ въ Пловдивѣ), душевнеспасительную книгу «Зерцало или огледало христіанское» (Москва 1847 г.), а затѣмъ издалъ тамъ же небольшую книжку «Введеніе въ исторію болгарскихъ славянъ» (Москва 1847). Позже онъ жилъ въ Константинополѣ и здѣсь продолжалъ литературную дѣятельность (между прочимъ въ газ. «Цариградскіи Вѣстникъ»). Въ Болгаріи, гдѣ много путешествовалъ, онъ пользовался довольно широкою извѣстностью. Послѣдніе годы жизни былъ драгоманомъ при одномъ изъ русскихкихъ консульствъ въ Болгаріи.

даго болгарина Константина Дмитріева, выдержавшаго экзаменъ въ одесской гимназіи, повидимому своего племянника. Изъ писемъ выясняется, что тотъ дѣйствительно былъ принятъ и находился въ нѣкоторой степени на попеченіи у добраго ректора.

Появленіемъ въ своемъ домашнемъ кругу другого почтеннаго славянскаго гостя серба, славнаго Сима Милутиновича, Плетневъ обязанъ московскому профессору-слависту Бодянскому, съ которымъ онъ время отъ времени переписывался.

Еще незадолго передъ тѣмъ, 15-го августа 1846 г., Бодянский писалъ Плетневу:

«Сейчасъ узналъ я отъ общаго нашего знакомаго, Кастана Андреевича Коссовича, о желаніи вашемъ имѣть «Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ», и потому сѣшу выслать вамъ вышедшія доселѣ книжки ихъ, прося покорнѣйше принять оныя отъ имени общества съ свойственнымъ вамъ вниманіемъ. Слѣдующія книжки, по мѣрѣ выхода ихъ, непременно будутъ доставляться вамъ въ свое время. Цѣль наша, кажется, одна и та же, а потому въ высшей степени необходимо намъ знать другъ о другѣ въ благою пору, чтобы тѣмъ единодушнѣе и вѣрнѣе дѣйствовать общими силами противу одного и того же врага и местника безъ разномыслія и шатости—какъ выражались наши предки».

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого письма, когда сербскій патріотъ и извѣстный поэтъ Сима Милутиновичъ, пріѣхавшій въ Россію для организаціи книжныхъ сношеній съ нами Сербіи и по дѣлу снабженія сербскихъ земель русскими церковными книгами, въ цѣляхъ культурнаго сближенія русско-сербскаго, отправлялся изъ Москвы въ Петербургъ для ходатайства въ правительственныхъ сферахъ, Бодянский направилъ его и къ Плетневу, снабдивъ слѣдующимъ рекомендательнымъ письмомъ:

«Позвольте мнѣ, ваше превосходительство, представить вамъ, хоть заочно и письменно, подателя сего письма, славнаго сербскаго поэта, Симу Милутиновича, извѣстнаго вамъ, конечно, хоть по отзыву о немъ въ одномъ изъ парижскихъ курсовъ Мицкевича. Онъ посланъ своимъ правительствомъ къ намъ, между прочимъ, и для сближенія сербовъ съ русскими и ихъ литературой, именно: митрополитъ бѣлградскій поручилъ ему просить наше прави-

тельство, а въ случаѣ неудачи—частныхъ людей, кому отверзется, вступить съ ними въ умственный размѣнъ, т. е. посылать имъ всякаго рода книги русскія, особенно же относящіяся до церкви на церковно-славянскомъ языкѣ, но посылать *не тунъ*, а за деньги, которыя тотчасъ будутъ высылаться намъ, по мѣрѣ распродажи и выручки, черезъ посредство нашего генеральнаго консула. Дѣло въ томъ, чтобы найти ему доступъ къ тѣмъ, отъ кого это существенно зависитъ и кто больше и лучше всего можетъ помочь нашимъ соплеменникамъ и единовѣрцамъ въ такомъ благомъ и, скажу смѣло, святомъ дѣлѣ. Сколько могу судить, въ особенности тутъ необходимо содѣйствіе и оберъ-прокурора синода, графа Николая Александровича Протасова: онъ скажетъ—и наши духовныя типографіи и ихъ книжныя лавки отправятъ тотчасъ цѣлыя подводы церковныхъ книгъ туда, гдѣ ихъ жаждутъ единовѣрные и единоутробные, якоже олень на источники водные. И не только это можетъ быть однажды, но, если угодно ему, онъ исходатайствуетъ предписаніе установить то навсегда,—въ этомъ, кромѣ духовной пользы, и наша матеріальная—сбытъ въ годъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ церковныхъ книгъ потому что въ Сербіи, Босніи, Булгаріи и сосѣднихъ православныхъ земляхъ съ славянскимъ языкомъ больше всего нуждаются въ книгахъ церковныхъ и платятъ, по необходимости, страшную, невѣроятную сумму за нихъ. Къ церковному же транспорту легко можно будетъ присоединить и транспортъ нашей свѣтской письменности, имъ послѣ, божественнаго, болѣе всего желаемой и необходимой. Этимъ откроется новый каналъ для сбыта намъ своихъ произведеній, такъ туго сбываемыхъ нынѣ дома. Не угодно-ли будетъ вашему превосходительству надумать своими совѣтами и содѣйствовать нашему знаменитому соплеменнику въ такомъ общемъ дѣлѣ?

«На первый разъ для него чувствительнѣйшимъ было бы одолженіемъ пользоваться свободнымъ пребываніемъ въ такой дорогой столицѣ до дня своего отбытія изъ нея, которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть долѣе 10—14 дней. Здѣсь, въ Москвѣ, онъ проживалъ въ моей скромной хижинѣ. Сербъ—человѣкъ неприхотливый и останется доволенъ и сердечно благодаренъ за одно даже укрытіе его отъ невзгоды и стихій.

«Чувствительнѣйше благодарю ваше превосходительство за послѣднее ваше письмо ко мнѣ, журналомъ вашимъ воспользуюсь, какъ только могу, коль скоро онъ прибудетъ ко

мнѣ. Дѣло наше — дѣло общее: «Современникъ», сколько вижу и слышу, дышетъ тѣмъ же духомъ, что и «Чтенія». Дай Богъ, чтобы духъ ихъ былъ духомъ всѣхъ русскихъ. А что это будетъ когда-нибудь, въ томъ я не сомнѣвался и не сомнѣваюсь, зане дѣло право и свято. Конечно, противники сильные количествомъ, но едва-ли качествомъ. Притомъ и нашего полку во-очію прибываетъ. То ли былъ, напр., нашъ университетъ 4 года тому назадъ?

Нужно только прежде всего и болѣе всего быть единомышленнымъ и стойкимъ, а при правотѣ и законности вся прочая приложатся неминуемо.»

IV.

Искренно сочувствуя славянамъ и сближенію съ ними, вѣрно оцѣнивая всю пользу славянскихъ изученій, Плетневъ относился столь же благодушно и справедливо, безъ предубѣжденія и враждебнаго чувства и къ полякамъ. Будучи вообще либеральнаго (въ благороднѣйшемъ смыслѣ) образа мыслей, онъ стоялъ за сохраненіе каждой народности — національныхъ ея особенностей и сокровищъ, языка и быта, за уваженіе и бережное отношеніе къ нимъ, хотя и отстаивалъ рѣшительно идею государственнаго единства и непререкаемыя права государства, его административныхъ органовъ и языка въ окраинныхъ областяхъ.

Такъ онъ относился къ Польшѣ, такъ же и къ Финляндіи.

Давая Гроту совѣты касательно преподаванія исторіи Россіи и исторіи всего Сѣвера, причемъ развивалась бы мысль о томъ, «какое благо для присоединенныхъ провинцій, что имъ Господь даровалъ этотъ жребій», онъ присовокупляетъ: «Скажи Рейну *), что я не вандалъ, а разсуждающій о дѣлѣ по его сущности. Одни санюлоты кричатъ безъ толку противъ завоеваній. Развѣ Польшѣ было лучше до присоединенія ея къ Россіи, да и Финляндіи тоже? Надо говорить дѣло, а не фразы. Французы въ Англіи губили языкъ и нравы, а мы ихъ поддерживаемъ. И если мы желаемъ, чтобы союзники наши знали по-русски, то единственно для того, чтобы они, узнавъ насъ покороче,

убѣдились, что мы не людоеды, какъ многіе думаютъ по невѣжеству». Однакожъ изученіе государственнаго языка, по мнѣнію Плетнева, не должно мѣшать надлежащему усвоенію своего роднаго.

Характеренъ также слѣдующій отзывъ Плетнева объ одномъ безтактномъ поступкѣ кн. Шихматова въ дѣлѣ академическомъ. 29-го декабря 1848 г. онъ рассказываетъ о бывшемъ въ этотъ день годичномъ актѣ академіи наукъ. „Сегодня, — сообщаетъ онъ Гроту, — собраніе въ академіи, и я сейчасъ отправляюсь туда читать мой отчетъ. Вообрази варварство князя Шихматова. У меня очень интересно составлена была біографія нашего почетнаго члена академіи покойнаго Линде. Шихматовъ предписалъ мнѣ исключить ее изъ отчета, вѣроятно потому единственно, что Линде былъ полякъ. Я полагаю, что подобныя поступки въ области наукъ унижаютъ націи и противны желаніямъ нашего Государя, всѣми мѣрами старающагося связать дружбою народы, подъ его скипетромъ соединенные“.

Плетневу пришлось и на дѣлѣ послужить русскому культурному дѣлу въ Польшѣ, сближенію русско-польскому въ сферѣ учебно-образовательной. Дѣло въ томъ, что тогда открылся варшавскій учебный округъ: Государь приѣзжалъ въ Варшаву, и министръ С. С. Уваровъ «имѣлъ счастье представлять Государю польское юношество съ новыми надеждами и въ новомъ видѣ *). Министерство было озабочено долго и послѣ того постановкой тамъ преподаванія особенно русскихъ предметовъ, и вотъ къ рѣшенію этого вопроса привлекли, между прочимъ, и Плетнева, для котораго — по множеству его служебныхъ дѣлъ — это было неожиданной обузой, которую онъ охарактеризовалъ въ своемъ дневникѣ 10-го октября 1842 года словами: «скучная работа».

Вспомнимъ, что Плетневъ за два года передъ тѣмъ заинтересовался и принялъ дѣятельное участіе въ аналогичномъ вопросѣ — для другой нашей окраины — для Финляндіи, съ которой его въ 40-хъ годахъ такъ сблизили обстоятельства и дружба съ Я. К. Гротомъ. Онъ тогда написалъ и представ-

*) Профессору, товарищу Грота по преподаванію.

*) См. «Переписка», т. I, стр. 661.

вилъ гр. Ребиндеру цѣлую записку или планъ усиленія преподаванія русскаго языка (и отчасти словесности) въ Александровскомъ университетѣ *). Какъ можно было замѣтить изъ предыдущаго, его не менѣе занималъ и способъ преподаванія русской и мѣстной, народной исторіи на окраинахъ нашихъ. Въ 1844 г., рассказывая Гроту о своихъ занятіяхъ и чтеніяхъ, онъ писалъ, что принялся читать учебную книгу Исторіи Польши, сочиненную Павлищевымъ, о которой отзывается такъ: «это сухая переченьъ однихъ политическихъ перемѣнъ въ Польшѣ до послѣдняго ея раздробленія». Такія книги были ему очень не по душѣ.

Но если Плетневъ считалъ важнымъ дѣломъ возможно лучшее ознакомленіе поляковъ съ русскимъ языкомъ и литературой, то съ другой стороны и знакомство русскихъ съ польской литературой представлялось ему весьма полезнымъ и желательнымъ. Онъ самъ былъ конечно, мало, знакомъ съ ней, но понималъ ея цѣнность, чулъ ея достоинство и сокровища. Чего стоилъ въ глазахъ его одинъ Мицкевичъ, котораго поэзіей онъ такъ восхищался (въ русскихъ переводахъ), котораго лично знавалъ и почиталъ — по его дружескимъ отношеніямъ къ Пушкину! Ознакомленію русскаго общества съ польской литературой Плетневъ былъ радъ послужить и въ своемъ «Современникѣ», давая въ немъ мѣсто переводамъ съ польскаго.

Въ письмѣ его 2-го октября 1846 г. читаемъ: «послѣ обѣда Кулѣшъ прочиталъ вслухъ изъ 10 № «Современника» «Жизнь моей матери» Головинскаго, ректора с.-петербургской католической академіи, прелестно-трогательный рассказъ, Кулѣшомъ же переведенный съ польскаго **).

Посредникомъ этого польско-русскаго

сближенія на страницахъ «Современника» служилъ П. А. Кулѣшъ. Онъ собирался еще расширить свою дѣятельность по переводамъ съ польскаго (напр., изъ произведеній Крашевскаго), и былъ самъ въ сношеніяхъ съ польскими писателями въ Петербургѣ и въ царствѣ. Плетневъ очень интересовался этимъ дѣломъ, и въ «Современникѣ» 1846 г. (ст. XLII, стр. 49) помѣстилъ сдѣланный по его просьбѣ Кулѣшомъ переводъ письма къ послѣднему польскаго литератора Грабовскаго) о сочиненіяхъ Гоголя. «Эта преумная, прекрасная статья», отзывался онъ о ней. Грабовскій поощрялъ Кулѣша въ этой его переводческой работѣ, а Плетневъ въ свою очередь черезъ Кулѣша просилъ сотрудничества Грабовскаго — по ознакомленію читателей «Современника» съ польской литературой и по сообщенію ему своихъ критическихъ отзывовъ о разныхъ явленіяхъ русской литературы. Такимъ образомъ, «Современнику», по этой мысли, предназначалась роль какъ-бы проводника или орудія русско-польской литературной взаимности. Мы узнаемъ объ этомъ подробно изъ сохранившихся извлеченій изъ двухъ современныхъ (1845 г.) писемъ Грабовскаго къ Кулѣшу. Приводимъ нѣкоторыя мѣста изъ нихъ:

Въ письмѣ отъ 24-го декабря 1845 г. Грабовскій писалъ: «Съ великимъ удовольствіемъ прочелъ я ваше письмо, ибо признаю, что я не былъ свободенъ отъ нѣкотораго

1) Мих. Грабовскій (1805—1863) польско-украинскій поэтъ изъ кружка Зальскаго, Гоцинскаго и пр., извѣстенъ какъ авторъ повѣстей въ родѣ Вальтеръ Скотта и критикъ; онъ жилъ въ Кіевѣ, гдѣ и дѣйствовалъ и вліялъ на молодежь въ духѣ русско-польскаго примиренія, въ томъ числѣ и на Кулѣша. По словамъ Спасовича, «онъ, при своей надкости къ аристократіи и клерикализму, былъ человекъ умный и трезво смотрѣвшій на національные вопросы, склонный разнѣ между поляками и южно-русскими разсматривать, какъ порожденіе причинъ не политическихъ и религіозныхъ, а социальныхъ; но въ 1843 распространилась вѣсть, что онъ хлопоталъ у правительства о разрѣшеніи издавать журналъ «Slowianin» въ духѣ, который бы теперь назвали примирительнымъ и общеславянскимъ. Огласка повлекла за собой сильное паденіе репутаціи Грабовскаго по подозрѣнію въ національной измѣнѣ». Кромѣ «Современника» онъ писалъ и въ «День» Аксакова. Подъ конецъ жизни онъ былъ въ Варшавѣ директоромъ комиссіи просвѣщенія и исповѣданій при Веленпольскомъ. — Срав. Пышинъ и Спасовичъ, II, стр. 620, 749 г.

*) См. «Жизнь и Труды Погодина», вѣ. V, стр. 386—7.

**) «Игнатій Головинскій (1807—1855), ректоръ духовной академіи, а съ 1851 г. митрополитъ римско-католическихъ церквей въ Имперіи, переведившій Шекспира, довольно впрямъ неудачно, подъ именемъ Кефалинскаго, и пробовавшій писать драмы, легенды, новѣсти, записки подъ именемъ Ижеготы Костровца». См. Спасовичъ, Ист. слав. литературъ, т. II, стр. 746.

безпокоѣства касательно того, какъ вы примете мои замѣчанія на «Черную Радугу». Въ теченіе моей критической дѣятельности не разъ я убѣдился, что искренняго сужденія о сочиненіяхъ не выслушиваютъ безъ морщинокъ на лбу даже и знаменитые писатели...

«Ничего такъ не желалъ я, какъ навести васъ на размышленія о своемъ сочиненіи, ибо что по большей части губить нашу литературу, если не увѣренность молодыхъ писателей въ непогрѣшимости ихъ вдохновенія... Я утвердился въ высокомъ мнѣніи о умѣ и характерѣ г. ректора университета по одному тому уже, что онъ совѣтуетъ не торопиться печатать тотчасъ все, что выйдетъ изъ подъ вашего пера. Только такимъ способомъ вы усовершенствуетесь и приобретете истинную славу.

«Что касается до желанія П. А., чтобы помѣстить еще нѣсколько біографическихъ извѣстій обо мнѣ, не думаю, чтобы это было занимательно для русской публики.

«Статья моя о Пушкинѣ можетъ быть любопытна для вашей публики, какъ доказательство, что и у васъ знаютъ вашихъ писателей, и что ничто не препятствуетъ ихъ справедливо цѣнить. Эти двѣ статьи мои о Гоголѣ и о Пушкинѣ могутъ служить вступленіемъ къ дальнѣйшему ознакомленію русскихъ съ нашею литературою, о которомъ вы пишете. Меня очень занялъ проектъ помѣщенія такихъ статей въ «Современникѣ». О подобномъ предпріятіи я давно уже мечтаю, но мои мечтанія не могутъ осуществиться, пока не воспріять ихъ человекъ, занимающій высокое мѣсто въ вашей литературѣ, — разумѣю П. А. Плетнева. Сообщалъ я этотъ проектъ и Скальсковскій, и Дубровскою (издателю Варшавской «Денички»), но это было выше ихъ силъ; потому-то переѣздъ вашъ въ Петербургъ можетъ составить особую эпоху; если вы, дѣйствительно, станете осуществлять свою идею, то я всѣми силами буду вамъ содѣйствовать. Знакомство русскихъ съ польскою литературою было бы для нихъ открытіемъ новаго свѣта, о которомъ они и не думаютъ. Можетъ быть, я буду слѣдующія письма къ вамъ писать такъ, чтобы вы могли печатать ихъ въ переводѣ, и они могутъ составить картину современной литературы польской. Боюсь только, чтобы появленіе моихъ статей въ русскомъ журналѣ не возбудило новыхъ возгласовъ и подозрѣній, которые я уже и безъ того претерпѣваю за свои литературныя и политическія мнѣнія. Потому-то не вдругъ приступаю къ содѣйствію вашимъ

трудамъ—нужно сперва хорошенько это обдумать и сообразить.

«Я уже рекомендовалъ васъ Головинскому, Головинскій и нѣсколько другихъ писателей польскихъ въ Петербургѣ, его пріятелей, какъ-то: графъ Ржевусскій, Штюмертъ, Пшеславскій, составляютъ чело народа въ нравственномъ отношеніи. Это люди не только съ высокими умственными способностями, но и съ высокими достоинствами характера. Они вполне достойны покровительства правительства, за поддержаніе своими трудами идеи порядка, поколебленной къ несчастію почти во всей Европѣ и поколебленной большею частью недоваренной литературою. Потому-то очагъ петербургскихъ писателей въ глазахъ людей здравомыслящихъ достоинъ величайшаго почтенія. Отъ всей души желаю вамъ сойтись съ этими замѣчательными людьми».

Въ другомъ письмѣ читаемъ:

«Что касается до «Современника», то всего прежде прошу я васъ поблагодарить почтеннаго издателя за пересылку мнѣ его; я получилъ уже два нумера; маловажныя статьи мои едва ли заслуживаютъ эту вѣжливость. Я согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, что неумѣстно наполнять журналъ польскими статьями,—это дало бы ему видъ Бога знаетъ какой. Ничто не препятствуетъ тому, чтобы въ отдѣленіи беллетристики помѣщены были статьи, переведенныя изъ польскаго языка, если онѣ только будутъ занимательны, на что именно, главнымъ образомъ, надобно обращать вниманіе. Если переведенныя статьи будутъ интересны для публики, совершенно будетъ равно, откуда вы ихъ, господа, почерпаете; наконецъ, можетъ быть, это не худая мысль редактора обратить тамъ свое вниманіе, тѣмъ болѣе, что польская литература, имѣющая теперь также свои великіе недостатки, превосходитъ многія другія развивающимся поэтическимъ элементомъ своимъ. Итакъ, журналъ, почерпающій изъ этого источника, можетъ сдѣлаться гораздо болѣе блестящимъ и новымъ, нежели иные, питающіеся единственно французскими и другими западными исчерпнутыми уже матеріалами. Когда же публика познакомятся уже съ нѣкоторыми произведеніями польской литературы и найдетъ ихъ достойными своего вниманія, тогда будетъ пора познакомить ее съ этою литературою вообще, съ ея настоящимъ состояніемъ и движеніемъ. Предметъ этотъ можетъ имѣть существенный интересъ въ томъ только случаѣ. Преждевременное помѣщеніе въ журналъ общаго отчета не принесло бы никакой пользы,

даже могло бы въ нѣкоторомъ отношеніи повредить журналу; итакъ, теперь всего лучше помѣщать иногда какіе-нибудь переводы изъ польскаго языка, послѣ же, когда наступитъ пора написать общее извѣстіе о польской литературѣ, то и я могу быть вамъ полезенъ»...

При всѣхъ своихъ симпатіяхъ къ славянству, Плетневъ, какъ мы сказали уже, не только не принадлежалъ къ кругу московскихъ славянофиловъ, но стоялъ вообще далеко отъ ихъ философскихъ ученій и міровоззрѣнія, съ которыми едва-ли былъ достаточно близко знакомъ. Онъ не былъ вполне чуждъ того нѣкотораго скептицизма и извѣстныхъ предубѣжденій, которыми вообще отличался Петербургъ и его литературный міръ по отношенію къ Москвѣ, ея умственной жизни и идеаламъ, платя ей за подобное же отношеніе къ себѣ. Но какъ истинно-русскій человекъ и патриотъ съ здравымъ умомъ и горячимъ сердцемъ, увлекавшійся всякимъ благороднымъ и идеальнымъ движеніемъ человѣческаго духа, шедшій навстрѣчу всему доброму и нравственно чистому, Плетневъ, такъ стойко борившійся съ низменными и тлетворными началами петербургскихъ журналистовъ лагеря Булгарина и К°, не могъ не симпатизировать выдающимся представителямъ московскаго славянофильства и въ общемъ единодушнымъ съ ними лучшимъ дѣятелямъ науки, литературы и просвѣщенія въ Москвѣ. Вотъ почему онъ былъ близокъ и поддерживалъ постоянныя связи съ такими дѣятелями, какъ Погодинъ, Шевыревъ, Бодянский, Н. Ф. Павловъ, Хомяковъ, Кирѣевскіе, братья Глинки и проч. и съ многими другими мѣже видными литераторами того же круга. Въ Петербургѣ тотъ кругъ имѣлъ свою не особенно значительную числотою, но единодушную колонию, къ которой тѣсно примыкали и многіе петербуржцы, въ томъ числѣ и Плетневъ; въ домъ его всегда заглядывали пріѣзжіе москвичи и находили самый радушный и сочувственный приемъ. Черезъ Плетнева познакомился съ московскимъ литературнымъ и ученымъ міромъ и Я. К. Гротъ, приобрѣвшій тамъ скоро многихъ друзей и знакомыхъ. Къ Погодину, Шевыреву и проч. направлялъ Плетневъ многихъ стремившихся въ Москву молодыхъ петербургскихъ литераторовъ и учениковъ

своихъ, а также иностранцевъ. Когда изъ Москвы вернулся възвизшій туда въ 1842 г. французскій писатель Magnier, Плетневъ спѣшилъ сообщить объ этомъ Гроту: «Сегодня утромъ въ 1 ч. я былъ обрадованъ новымъ у меня появленіемъ Magnier, прибывшаго изъ Москвы. Онъ въ восхищеніи отъ нея и тамошнихъ литераторовъ, друзей нашихъ: Шевырева, Хомякова, Павлова»...

Плетневу не могла лишь нравиться нѣкоторая исключительность московскихъ литераторовъ славянофильскаго лагеря, въ силу которой они, напримѣръ, не хотѣли печатать своихъ произведеній въ «Современникѣ» Плетнева, какъ всетаки *петербургскомъ* органѣ. «Хотя мы, говорили они, любимъ Плетнева и вовсе его не смѣшиваемъ съ литературной ватагой въ Петербургѣ, однако же ни одинъ нашъ стихъ не хотимъ тамъ печатать». Конечно, Плетнева нѣсколько коробила такая нетерпимость*), хотя надо сказать правду—и онъ отчасти грѣшилъ тѣмъ же въ отношеніи къ своимъ петербургскимъ журнальнымъ противникамъ и ихъ органамъ. Особенно сочувственно отзывался Плетневъ въ своей перепискѣ съ Гротомъ—о Хомяковѣ, который подкупалъ его между прочимъ и своимъ чуднымъ поэтическимъ даромъ. Однажды (въ мартѣ 1846 г.) онъ рассказывалъ о вечерѣ, проведенномъ у друзей за общимъ чтеніемъ. Онъ любилъ такія чтенія вслухъ друзьямъ. «Я имъ читалъ Хомякова, который мнѣ съ нѣкоторыхъ поръ особенно нравится». Нетерпимость петербургскихъ критиковъ къ славянофиламъ, между прочимъ къ Хомякову, вызывала его рѣшительное осужденіе. Въ письмѣ къ Гроту (5-го окт. 1846) онъ отмѣчаетъ: «Сегодня въ 10 № «Библиотеки для чтенія» я прочиталъ Никитенки критику на Хомякова статью въ «Московскомъ Сборникѣ» (это было «Мнѣніе русскихъ объ иностранцахъ»).

*) Это признаніе исходило, кажется, отъ Аксаковыхъ, но А. О. Смирнова, передавшая его Плетневу, говорила тутъ же и о Хомяковѣ, такъ что П. А. отнесъ это къ обоимъ. Гроту онъ изложилъ свою досаду: «Смирнова выдаетъ Хомякова и Аксакова, которые объявили ей, что хотя и уважаютъ меня, но не могутъ дать въ «Современникѣ» стиховъ своихъ по заклѣтой ихъ ненависти ко всему, что только напечатано въ С.-Петербурѣ, а не въ Москвѣ. Хороши гуси!» Переписка III, стр. 743.

Никитенко начинает увѣщаніемъ, что необходимо для достоинства литературы уважать увѣжденія другихъ, а послѣ самъ же иначе не говоритъ о Хомяковѣ, какъ съ самою оскорбительною ироніей.

Свое высокое мнѣніе о Хомяковѣ Плетневъ высказалъ еще однажды въ той-же перепискѣ по поводу одной нелѣпой и бессмысленной клеветы, пущенной по адресу московскаго мыслителя въ одномъ иностранномъ журналѣ. Приведемъ въ заключеніе этотъ характерный отрывокъ.

(Изъ письма 23 го янв. 1846 г.).

«Подали мнѣ новый № «Revue des Deux Mondes». Тамъ удивила меня статья: Les poètes officiels russes en Bulgarie. Въ ней à la française рассказывается, что наше правительство простираетъ виды на приобрѣтеніе Европейской Турціи и на присоединеніе къ себѣ всѣхъ западныхъ славянъ. Для послѣдняго оно до сихъ поръ распространяло посредствомъ агентовъ своихъ—прокламаціи и книги. Но какъ простой народъ не умѣетъ

тамъ читать, то оно приобѣгнуло къ сочиненію новыхъ народныхъ славянскихъ пѣсенъ и употребляетъ для того своихъ подкупленныхъ стихотворцевъ, которыхъ стихи разсылаетъ по всѣмъ славянскимъ землямъ. Въ доказательство этой нелѣпой идеи редакторъ увѣряетъ что вынѣшней весной туда ѣздилъ нѣкто Палаузовъ, уроженецъ Булгаріи, и пустилъ тамъ въ оборотъ два стихотворенія «Un russe à ses frères de race» и «A l'aigle russe»... Про второе сказано: «Ceci a été composé par m-r Homiakoff poète russe pensionné par son gouvernement»... Каково будетъ читать это Хомякову, богатѣйшему дворянину, щекотливому въ дѣлахъ чести и гордому въ независимости патриоту чистому и самому набожному въ молодомъ поколѣніи!»...

Въ негодованіи Плетнева на эту глупую сплетню и на то, что не находится никого, чтобы ее опровергнуть, слышится не только обида за Хомякова, но и задѣтое чувство патриотизма и русско-славянскаго самосознанія.

К. Гротъ.

